

Н.Н. Ковтун

НАДЗОРНО-КАССАЦИОННАЯ ФОРМА ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ «ТРАДИЦИИ», АКТОВ ЕСПЧ И АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Анализируется соответствие нового кассационного производства России фундаментальному принципу *res judicata*, следствиям из него вытекающим, и в целом публично заявленным целям реформы, реализованной посредством принятия и введения в действие Федерального закона № 433-ФЗ от 29.12.2010 г.

Ключевые слова: кассационное производство, *res judicata*, «вопросы права» и «вопросы факта», предмет проверки и оценки суда.

Известно, что Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 года российское кассационное производство было кардинально реформировано и, по сути, урегулировано по известному образцу экстраординарного производства в суде надзорной инстанции. Соответственно при характеристике внесенных новаций доктрина, прежде всего, отмечала принципиальное изменение:

- объекта нового кассационного производства и отнесение к последнему исключительно актов суда, вступивших в законную силу (в российской уголовно-процессуальной традиции – окончательных актов суда);

- непосредственного предмета проверки и оценки суда, к которому в соответствии с изменившейся волей закона были отнесены исключительно свойства законности окончательных актов суда (ст. 401.1 УПК РФ – далее УПК), и *a priori* невозможности кассационной проверки свойств их справедливости и фактической обоснованности;

- сроков обжалования и сроков самой кассационной проверки (ч. 3 ст. 401.2 УПК), которые приобрели характер строго пресекательных юридических актов, призванных к обеспечению стабильности состоявшихся судебных решений, незыблемости правового состояния лиц, окончательно ими определенного; в конечном итоге, обеспечения правовой определенности и верховенства права в государстве и обществе;

- оснований к отмене/изменению проверяемых актов суда. Последними, в силу предмета и характера этой формы проверки, могли выступать исключительно существенные (ч. 1 ст. 401.15 УПК) или фундаментальные (ст. 401.6 УПК) нарушения закона, позволяющие ставить вопрос о преодолении сути *res judicata* в интересах обеспечения интересов и прав частных заинтересованных лиц или правосудности постановленных актов суда;

- процессуальной формы кассационной проверки, которая до тождества восприняв наработанный опыт производства в надзорной инстанции, несколько ограничивала и начало широкой свободы обжалования, устанавливая процедуры предварительного изучения кассационного отзыва (ст. 401.8 УПК), и без того весьма ограниченные познаватель-

ные средства проверки в экстраординарных судебных инстанциях (ст. 401.13 УПК).

Не столь кардинально, но в том же экстраординарном контексте были внесены изменения, связанные с установлением перечня надлежащих кассаторов, определением иерархии надлежащих кассационных инстанций, сутью основных актов этого производства (etc.). Как следствие, рядом исследователей были озвучены тезисы об эволюционном возвращении самобытной системы «советских» контрольно-проверочных производств к исходному и классическому своему образцу, характеризующему в уголовно-процессуальной доктрине как модель «классической» апелляции и кассации континентального образца (Франция, Германия (etc.)) [1, с. 20].

Несколько «беспокоили», правда, погрешности в системности законодательной воли, по сути которых, к примеру, окончательные акты суда могли быть проверены в нескольких иерархически выстроенных кассационных инстанциях, что явно не согласовывалось с «европейской» кассацией. В контексте досадной ошибки воспринималось и «оставление» в системе судебных контрольно-проверочных производств суда надзорной инстанции (гл. 48.1 УПК). Во-первых, в силу того, что суть и назначение этой формы проверки, по факту, до тождества были «копированы» моделью новой российской кассации (гл. 47.1 УПК). И соответственно ни по предмету, ни по форме осуществления деятельности надзорная инстанция уже не в состоянии стать альтернативой реализованной форме кассационной проверки, лишь увеличивая число российских проверочных стадий, что критически оценивалось ЕСПЧ. Во-вторых, разумом не воспринимались новации, согласно которым решение Президиума Верховного Суда РФ могли быть предметом неоднократной надзорной проверки (п. 5 ч. 2 ст. 412.1 УПК), причем, по факту, в одном и том же составе суда. Как применительно к окончательной сути проверяемых актов, так и в контексте фундаментального правила *res judicata* теплилась все же надежда на исчерпание средств их перманентной проверки. Закономерно возникали вопросы и в части того, зачем при столь однозначно определенном предмете проверки в нормативную

ткань обновленной кассации были включены предписания, связанные с алгоритмом возможных действий и решений суда по отмене окончательных актов в сторону, ухудшающую положение осужденных/оправданных (ст. 401.6, ч. 5 ст. 401.16 УПК). Исследователи, в частности, прямо указывали, что вектор указанных предписаний находится в явной причинно-следственной связи с категорией справедливости окончательных актов суда, которая не есть предмет оценки кассационных судебных составов. Аналогичным образом констатировались «огрехи» закона, косвенно позволяющие кассационному суду входить в проверку и оценку фактической стороны окончательно разрешенного спора [2; 3, с. 45–41].

Как следствие, можно было, по идее, понять Л.В. Головки, резюмирующего, что Федеральный закон № 433-ФЗ «не только не восстановил, вопреки заявлениям законодателя “классическую кассацию”, но, напротив, извратил институт кассации даже в большей степени, нежели извратило его в свое время советское право» [4, ч. I, с. 419–420]. На общем «фоне» кардинальных новаций указанные констатации не воспринимались серьезно. Предполагалось, что «огрехи» законодательной воли будут вполне нивелированы как наработанным опытом, так и надлежащим правосознанием судей. Определенную лепту в указанный оптимизм вносила и телеологическая установка закона, указывающая на то, что посредством новаций от 29 декабря 2010 года в России «предлагается ввести новый кассационный порядок проверки судебных решений, ...основная цель которого заключается в проверке вступивших в законную силу приговоров, ...исключительно по вопросам права» [5, с. 2; 6, с. 47].

В итоге, в системе исключительных судебных контрольно-проверочных производств была впервые декларирована целостная система процессуальных гарантий, призванных к обеспечению правила *res judicata*, ценность которого однозначно констатировалась актами ЕСПЧ [7, с. 110–119; 8], Конституционного Суда РФ [9; 10, с. 104–106], Пленума Верховного Суда РФ [11].

Высказывались, правда, и иные суждения, обосновывающие потребность в «реанимации» именно дореформенного предмета кассационной проверки. К примеру, Ю.В. Кувалдина, анализируя нормы Закона № 433-ФЗ, прямо заявляла о том, что требования законности и обоснованности судебных решений неразрывно связаны между собой. Соответственно приговор, «...содержащий выводы, не соответствующие фактическим обстоятельствам дела, заведомо незаконен». Отсюда и вывод: реальная проверка кассационным судом «вопросов права» (юридической законности) *a priori* невозможна без всесторонней проверки тем же судом «вопросов факта» (фактической обоснованности итоговых выводов суда, изложенных в приговоре) [12, с. 14–15].

Тем не менее определяющими виделись все же иные констатации практики, по сути которых, как резюмировалось, судами все более нарабатываются

установки о том, что: «фактические обстоятельства преступления, установленные нижестоящими судами, кассационным судом признаются априори и не могут подвергаться сомнению»; «вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам, по вопросам факта считаются окончательными и не могут быть пересмотрены в кассационном порядке» [13, с. 764, 781].

Как следствие, в русле озвученных деклараций в принципе не принималась «к учету» известная система «подводных камней», при столкновении с которыми фактически рушилась вся конструкция выстроенных нормативных новаций, призванных и к обеспечению *res judicata*, и материального его выражения в виде формулы *non bis in idem*. Речь, прежде всего, об известных актах ЕСПЧ и конституционного правосудия, по сути которых правило *res judicata*, с одной стороны, констатировалось в качестве незыблемой фундаментальной ценности обеспечения верховенства права в государстве и обществе. С другой стороны, при наличии определенных условий, *res judicata* явно «теряла» и в фундаментальной ценности своих предписаний, и в императивной составляющей незыблемых следствий. Среди первых известны, к примеру, констатации о том, что:

- национальные власти должны уважать обязательную природу окончательного судебного решения, позволяя возобновление уголовного судопроизводства только в случаях, когда правовые основания перевешивают принцип правовой определенности [14, с. 76; 15, с. 5–12];

- основания возобновления производства применительно к актам суда, вступившим в законную силу и не вступившим в законную силу, должны быть принципиально различны [16, с. 119–132; 17];

- пересмотр окончательных актов суда допускается, лишь если это необходимо в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств, в том числе указывающих на судебную ошибку, приведшую к незаконному осуждению. В других случаях окончательные акты судов пересмотру не подлежат [18];

- возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу актов суда предполагает установление таких особых процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости [19].

Направленность вторых, отметим, была сформирована явно иначе. Так, еще в Постановлении от 2 февраля 1996 года № 4-П Конституционный Суд РФ (далее – Суд) резюмировал, что ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено [20].

В Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П Суд также указывает, что «отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства существенным (фундаментальным)

нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, ...что – вопреки принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека – такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено» [21].

Постановлением от 16 мая 2007 г. № 6-П, по факту, нивелирована формула *non bis in idem*, ибо Суд резюмирует, что «...исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора, как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших» [22, 23].

Фактически эта же правовая позиция повторена в Постановлении от 19 марта 2010 г. № 7-П, где Суд констатирует: «...отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту» [24].

Как следствие, практика реализации исключительных судебных контрольно-проверочных производств и доктрина российского уголовно-процессуального права, как факт, констатируют объективацию антимонии надзорно-кассационной формы проверки [25, с. 23], суть которой составляет диалектическое противоречие идеи *res judicata* и конституционного принципа обеспечения права на судебную защиту нарушенных интересов и прав. Принцип правовой определенности (в нашем случае – *res judicata*) призван к абсолютизации непреодолимой окончательности вступивших в законную силу актов суда. Возведенное в абсолют право на судебную защиту, напротив, декларирует практически не ограниченную, по сути, возможность отмены и изменения постановленных актов суда (в т.ч. являющихся *res judicata*) с целью исправления нарушений закона, допущенных в ходе предшествующего производства по делу. И вследствие указанной антимонии исключительно правильно сбалансированная система надзорно-кассационной формы проверки выступает единственным средством оптимального разрешения данного противоречия как в интересах должного обеспечения *res judicata*, так и в публично-правовом интересе обеспечения интересов и прав заинтересованных лиц на справедливое правосудие и правосудность его итоговых актов [26, с. 119–154].

В целях обеспечения указанного выше баланса законодатель не только ограничил непосредственный предмет проверки и оценки суда кассационной и надзорной инстанции исключительно свойствами законности постановленных актов суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК), но и дополнительно уточнил, что единственно легитимными нарушениями закона, как основаниями к опровержению *res judicata*, яв-

ляются существенные и фундаментальные нарушения закона. Причем в причинно-следственной связи последних с неправосудностью проверяемых актов суда (ст. 401.6, ч. 1 ст. 401.15, чч. 1–1 ст. 412.9 УПК). Отсюда и предварительное изучение кассационного/надзорного отзыва как на предмет наличия указанных нарушений закона, так и оценки их существенности (фундаментальности) для инициации собственно процесса проверки в экстраординарных процедурах кассации или надзора (ст. 401.7, ч. 102 ст. 412.5 УПК). В контексте обеспечения *res judicata* предполагалось также оценивать установление строго ограниченных и пресекательных сроков как в плане обжалования окончательных актов суда, так и их возможной отмены (изменения) непосредственно по итогам проверки в кассационном или надзорном суде (ст.ст. 401.6, 412.6 УПК). Конвенциональной гарантией *res judicata* закреплена также порядок принятия итоговых решений в кассационной и надзорной инстанции при обнаружившемся равенстве голосов «за» и «против» изменения (отмены) окончательных актов суда. В явной коллизии презумпции невиновности и правила *res judicata* законодатель избрал приоритет именно последней идеи, в т.ч., видимо, понимая, что факт нарушения (оказался) не столь существен или фундаментален, чтобы быть убедительным для правосознания и установок большинства из отправляющих правосудие судей (ч. 9 ст. 401.13, ч. 8 ст. 412.10 УПК). Весомой гарантией *res judicata* виделись также нормы, устанавливающие категорический по сути запрет на внесение в суд кассационной инстанции новых или повторных кассационных отзывов (ст. 401.17 УПК).

Напротив, в качестве явной гарантии конституционного принципа судебной защиты были нормативно объективированы полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей), во-первых, по отмене решения судьи, отказавшего в постановлении кассационного (надзорного) отзыва на проверку непосредственно суда кассационной (надзорной) инстанции (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК). Во-вторых, еще более весомые полномочия указанных лиц не согласиться с решением собственно суда кассационной инстанции и дискреционным своим усмотрением еще раз поставить уголовное дело и окончательный акт на проверку вышестоящего суда кассационной инстанции или непосредственно на рассмотрение Президиума Верховного Суда РФ (ч. 6 ст. 401.14 УПК). В контексте максимального обеспечения судебной защиты законодатель установил и (возможный) инстанционный порядок кассационной проверки, и право к проверке актов, принятых Президиумом Верховного Суда РФ (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК).

Можно и далее множить примеры гарантий, входящих в систему обеспечения того или иного начала исследуемой формы проверки, однако указанное вряд ли является оптимальным, так как узловые звенья системы, как представляется, очевидны. Это предмет проверки и оценки суда, сроки к опровер-

жению окончательных актов, основания к инициации процедуры проверки и основания к отмене/изменению окончательных актов суда. На наш взгляд, именно данные маркеры в реальном своем бытии должны наиболее объективно «свидетельствовать» как об истинных векторах в реализации надзорно-кассационной формы проверки, так и об искомом балансе или, напротив, доминировании лишь одной из указанных выше идей. Какие именно векторы возобладали по факту – ответ на этот вопрос есть следствие правосознания и установок конкретных исследователей. Мы, по возможности, постараемся оперировать фактами.

Одними из первых к «правильному» пониманию законодательной воли себя объективировали разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 [27]. Пленум весьма искусно «снял» возникшие было сомнения в вопросе о том, что, отменяя приговор и направляя дело на новое судебное рассмотрение по мотивам, ухудшающим положение осужденного, суд кассационной инстанции, тем самым, вторгается в оценку справедливости приговора. В суждении пленума, суд в указанной ситуации лишь проверяет вопросы о правильном соблюдении норм Общей части Уголовного кодекса РФ; фактически – проверяет законность (п. 10 постановления), которая является надлежащим предметом кассационной проверки. Как следствие, в этом контексте правомочие кассационного суда на изменение вида и размера наказания, назначенного осужденному, не может быть поставлено под сомнение; не служит и свидетельством нарушения *res judicata*.

Знаковым явилось и разъяснение пленума, по сути которого для дальнейшего обжалования судебного акта, бывшего предметом рассмотрения в Верховном суде республики (президиуме краевого суда...), срок, установленный законом в один год (ч. 3 ст. 401.2 УПК), исчисляется заново – с момента вступления в силу постановления президиума соответствующего суда (абз. 2 п. 7 постановления¹). Тем самым исключительно усмотрением высшей судебной инстанции была изменена суть пресекательных сроков обжалования и, по факту, установлены два самостоятельных срока для иерархической проверки окончательного акта суда в различных кассационных инстанциях [28, с. 35–38; 29, с. 26–30].

Дальнейшее лоббирование идеи законности (весьма ожидаемо) закончилось тем, что Федеральным законом № 518-ФЗ от 31 декабря 2014 года ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ признана утратившей силу [30]. Как следствие, сторона защиты более не ограничена пресекательным сроком для обжалования окончательных актов суда и инициации кассационной отмены окончательных актов в своих интересах.

В той же казуистике предложенных разъяснений весьма «претерпел» и легитимный предмет надзор-

но-кассационной формы проверки. С одной стороны, пленум однозначен в констатации воли закона, указывая на то, что по сути нового предмета проверки доводы кассационных жалоб, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат. С другой стороны, им же разъясняется, что если в кассационной жалобе содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки [27].

С учетом известного и сакрального отношения судей к указанным разъяснениям, они, естественно, и «...не оставляются». Тем более что для императивной оценки фактической стороны дела и окончательного судебного акта в наличии весомая методологическая, по сути, основа. Исследуя в свое время основания и этапы принятия (всех) процессуальных решений, П.А. Лупинская, как данность, констатировала два исходных посыла:

- на первом – «информационном» этапе – субъект принятия решения, действующий *ex officio*, непосредственно исследуя доказательства, познает юридически значимые фактические обстоятельства дела, которые служат единственно основанием для вынесения процессуального акта. Естественно, информация (фактические обстоятельства) воспринимается субъектом познания не в идеально-абстрактном (информационном) своем состоянии, а через субъективную правовую оценку обстоятельств предмета доказывания соотносенных с конкретными нормами материального права. В итоге, по факту, мы имеем дело с непрерывной правовой интерпретацией субъектом познания как факта исследуемого деяния, так и его юридически значимых признаков. Результаты этой интерпретации объективируются в виде внутреннего убеждения (выводов) субъекта познания как о юридической квалификации содеянного, так и о фактической стороне познаваемого явления, отражаясь в обосновании и мотивировке принимаемого решения;

- на втором («правоприменительном») этапе установленные фактические обстоятельства дела (деяния), через правосознание и внутреннюю убежденность субъекта познания, соотносятся с определенными правовыми условиями принятия процессуального решения и его легитимными целями. Как следствие, формируется убежденность о наличии (отсутствии) системы условий (основания) для принятия искомого процессуального решения. На основе этого вывода и принимается властное правовое решение [31, с. 37–40].

Указанный алгоритм в т.ч. является аксиомой и для принятия решений кассационным и надзорным судом. Особенности познания видятся лишь в том,

¹ В настоящее время эта «новация» пленума устранена, и в новой редакции п. 7 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.03.2015 г. № 9) подобных «разъяснений» более нет.

что по итогам «информационного» этапа познания у суда вышестоящей инстанции формируется убежденность либо:

- о тождестве выводов (правовых интерпретаций) суда нижестоящей и вышестоящей инстанции о познанных фактических обстоятельствах дела. Как следствие, объективируется решение: оснований к отмене или изменению проверяемых актов суда – не установлено;

- об определенном различии в итоговых выводах (правовых интерпретациях содеянного) суда нижестоящего и вышестоящего. Последнее, как следствие, являет одно из оснований к отмене, изменению решения нижестоящего суда в суде кассационной/надзорной инстанции.

Повторимся, именно по итогам оценки второго уровня: когда «модель» правовой интерпретации суда вышестоящей инстанции мысленно сравнивается с «моделью» интерпретации нижестоящего суда (при неизменной сути самих фактических обстоятельств), принимается решение о соответствии/несоответствии выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 389.16 УПК). Отсюда, итожим: единственно возможным алгоритмом к проверке и вынесению решений в суде вышестоящей инстанции является обращение к средствам проверки как первого, так и второго уровня.

Значит ли указанное, что непосредственным предметом проверки в кассационном или надзорном суде, по факту, выступает и категория «обоснованности» проверяемых актов; что законодательно определенный предмет проверки окончательных актов суда изначально не верен? Полагаем, что нет, ибо процесс познания и принятия решений в вышестоящем суде должен быть интерпретирован исключительно в следующем правовом контексте:

- самостоятельная оценка судом кассационной (надзорной) инстанции фактических обстоятельств дела (объективированных в качестве письменных доказательств) в принципе не означает того, что по итогам этой оценки эти обстоятельства будут рассмотрены или существенно изменятся в своей фактической сути. Фактические обстоятельства дела – явления объективной реальности. Они не зависят ни от субъекта проверки, ни от ее этапа, ни от используемых познавательных средств. Фактические обстоятельства *a priori* неизменны в своей фактической сути;

- единственное, что может измениться или объективироваться в качестве (конвенционального) тождества, – это юридическая интерпретация указанных обстоятельств тем или иным субъектом познания. Последняя, в свою очередь, есть (мыслительный, впоследствии – практический) **процесс применения права** к конкретно познанным фактическим обстоятельствам дела. По факту, процесс **правильного применения закона** к самостоятельно познанным обстоятельствам (фактам). Как следствие, правомерен и вывод: вышестоящий суд функционирует в

рамках легитимного предмета проверки (оценивая лишь правильность/неправильность применения права). В указанной интерпретации и «...несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре фактическим обстоятельствам дела», – не более чем правильное применение материального права вышестоящим судом к правильно интерпретированным им же фактическим обстоятельствам дела. В итоге, «...и овцы целы, и волки сыты».

В контексте обеспечения права заинтересованных лиц на доступ к судебной защите (по факту – обеспечения публичной законности) весьма широко используется и такое чрезвычайное средство, как полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей) по внесению жалобы непосредственно в суд кассационной или надзорной инстанции (ч. 3 ст. 401.8, ч. 6 ст. 401.14 УПК). Более того, эти полномочия уже трансформированы правосознанием судей. И к настоящему времени, как резюмируется, в Верховном Суде РФ вполне сформирована практика отмены постановлений судей об отказе в передаче кассационных и надзорных жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и передачи в связи с этим жалоб либо на новое рассмотрение другому судье, либо для их разрешения по существу в суде кассационной или надзорной инстанции [32].

Не важно, что судья, предварительно изучавший доводы отзыва, не усмотрел ни существенного, ни фундаментального нарушения закона, явно искажившего смысл правосудия и окончательного судебного акта. Конституционному принципу судебной защиты должен быть *a priori* предоставлен дополнительный шанс – иной судья может что-то и обнаружит, или непосредственно кассационная инстанция ему в этом поможет. Ведь с каждой новой проверкой гарантии правосудности, как итожит доктрина [26, с. 153], значительно возрастают.

Не является нарушением *res judicata* и нарабатываемая практика реализации кассационной проверки по факту поступления повторных или новых кассационных жалоб одного и того же кассатора. Определяющими для подобных векторов практики при этом стали не нормы закона (ст. 401.17 УПК), а акты конституционного правосудия. По сути последних: «...нормативный запрет на подачу кассационной жалобы тем же лицом, в том числе после того, как предыдущая его жалоба была отвергнута, не является препятствием для устранения судом экстраординарной судебной инстанции существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, которые не предполагают отказ в рассмотрении жалобы в случае обнаружения ранее не выявленной судебной ошибки, подлежащей исправлению» [33]. Отсюда и бесчисленные по сути «повторы» – как весомые гарантии обеспечения конституционной судебной защиты.

Тем более со временем выяснилось, что инстанционная последовательность пересмотра оконча-

тельных актов суда в принципе не является нарушением или ущемлением *res judicata*. Поясним, в контексте анализа сути и итоговых выводов Решения ЕСПЧ от 12 мая 2015 г. «Роберт Михайлович Абрамян против Российской Федерации» № 38951/13 [34], по сути, поставлена под сомнение сама обоснованность применения этого правила применительно к экстраординарному кассационному производству. Напомним кратко суть (разрешенного) спора и систему итоговых выводов ЕСПЧ.

Суть дела: заявители обжалуют решение президиума Краснодарского краевого суда, которым отменено окончательное решение нижестоящей судебной инстанции, вынесенное в интересах заявителей; заявители полагают, что тем самым нарушены не только их интересы, но и требование правовой определенности (как в части окончательно установленных судом правовых отношений, так и окончательно определенного статуса заявителей).

Доводы государства-ответчика: обращение заявителей подано за пределами предельного срока, установленного для обжалования в ЕСПЧ; как следствие, данная жалоба неприемлема для рассмотрения по существу;

- окончательным решением для этого дела следует считать решение судьи Верховного Суда РФ, которым отказано в передаче кассационной жалобы заявителей на рассмотрение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, а не решение заместителя председателя данного суда, которым указанное решение признано законным и обоснованным;

- заявители не исчерпали национальные средства судебной защиты, так как не обращались с надзорной жалобой в Президиум Верховного Суда РФ. Власть утверждает, что в результате изменений, внесенных в ГПК РФ Федеральным законом № 353-ФЗ², (реформированные) кассационное и надзорное производство уже не могут характеризоваться как экстраординарные средства судебной защиты и в настоящее время являются эффективным средством восстановления нарушенных интересов и прав, подлежащим исчерпанию для целей обращения в ЕСПЧ (ст. 35 Конвенции);

- в результате реформ устранена и, ранее столь критикуемая ЕСПЧ [35–37], множественность надзорных инстанций. В действующей редакции закона в качестве надзорной инстанции выступает исключительно Президиум Верховного Суда РФ; следовательно, более нет опасений, что окончательный акт суда будет перманентно и вне ясно установленных сроков пересматриваться в различных надзорных инстанциях (п. 65).

Общие принципы и заключение Суда: рассмотрев все аспекты нового кассационного производства, ЕСПЧ полагает, что более нет причин считать, что

эта процедура проверки является исключительным средством возобновления судебного разбирательства дела, а не обычным обжалованием по вопросам права, аналогичным существующему в правовых системах иных государств-участников Конвенции. Отсюда будет оправданным требовать, чтобы потенциальные заявители в ЕСПЧ сначала использовали (исчерпали) доступные средства правовой защиты, предлагаемые новым кассационным порядком России (п. 81).

ЕСПЧ утверждает, что в ходе реформы неопределенность «дореформенного» надзорного порядка проверки судебных решений практически полностью минимизирована следующими нормативными новациями³:

- введено нормативное ограничение нового кассационного производства исключительно проверкой окончательного акта суда в двух кассационных инстанциях⁴, тогда как до реформы надзорные жалобы могли быть поданы в три суда надзорной инстанции (п. 76);

- установлены определенные сроки как для принятия решения по жалобам кассаторов единолично судьей, предварительно изучающим жалобу, так и для ее рассмотрения по существу непосредственно в кассационном суде (п. 77). Аналогичные сроки установлены для кассационной формы проверки в Судебной коллегии Верховного Суда РФ (п. 78)⁵; указанное, по идее, «снимает» имевшуюся неопределенность в этих моментах. ЕСПЧ, правда, высказывает сомнения в том, что указанные сроки будут правильно применяться на практике; тем не менее для целей проверки в ЕСПЧ всегда можно определить финальную точку в производстве по делу (пп. 79, 80);

- одним из этих «финальных» моментов, в т.ч. свидетельствующим об исчерпании доступных средств национальной судебной защиты, является решение судьи Верховного Суда РФ с отказом на внесение жалобы кассаторов на рассмотрение непосредственно суда высшей кассационной инстанции. Установленная законом возможность к отмене этого решения посредством властных полномочий Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей)⁶, напротив, не является доступным средством защиты. Причины указанного, во-первых, в том, что реа-

² Применительно к уголовному судопроизводству России аналогичные по сути реформы реализованы Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (*mutatis mutandis*).

³ Оговоримся, для гражданского процессуального производства конвенционально имеются в виду новации, внесенные в ГПК РФ Федеральным законом № 353-ФЗ (*mutatis mutandis*); для уголовно-процессуального кассационного производства – Федеральным законом № 433-ФЗ (*mutatis mutandis*).

⁴ Нормами ч. 2 ст. 401.2 УПК РФ, по сути, аналогично этот вопрос решен и для уголовно-процессуального порядка кассационной проверки окончательных судебных решений (Федеральный закон № 433-ФЗ).

⁵ По сути, аналогично этот вопрос решен и для уголовно-процессуального порядка кассационной проверки окончательных судебных решений (ст. 401.7 УПК).

⁶ Для уголовно-процессуального порядка кассационной формы проверки аналогичные полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей) установлены нормами ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ.

лизация этой судебной защиты зависит от дискреционных полномочий государственных должностных лиц, а это неприемлемо для ЕСПЧ. Во-вторых, реализация указанной дискреции не оговорена строго установленным сроком; как следствие, последнее создает явную неопределенность в вопросах судебной защиты (п. 81). В итоге, обращение заявителей к Председателю Верховного Суда РФ (его заместителям) с просьбой о внесении жалобы непосредственно на кассационное рассмотрение объективируется в качестве чрезвычайного средства судебной защиты и, для целей ст. 35 Конвенции, должно рассматриваться в качестве отдельного средства защиты – в принципе отличного от кассации;

- ЕСПЧ также утверждает, что обновленные кассационные основания столь эффективны, что позволяют кассаторам представлять в Верховный Суд РФ требования об устранении таких нарушений, которые по факту составляют суть конвенционной жалобы. Их оценка и устранение Высшим кассационным судом России (судебной коллегией Верховного Суда РФ), в свою очередь, способствует укреплению диалога между судебной системой Российской Федерации и органами Конвенции, тем самым полностью воплощая принцип subsidiarity (пп. 86, 96).

Итоговый вывод лаконичен и ясен: новое кассационное производство России является доступным и эффективным национальным средством защиты. Соответственно это средство *a priori* подлежит «исчерпанию» сторонами, а правовая определенность никак не умаляется в своей сути вследствие того, что тождественные доводы и притязания сторон, по факту, оцениваются и проверяются в четырех национальных судебных инстанциях (п. 94)⁷.

Принципиально иная оценка дана (реформированному) надзорному производству Российской Федерации. Здесь ЕСПЧ однозначен: данное производство не является доступным и эффективным средством судебной защиты. Во-первых, надзорная жалоба может быть подана только по ограниченным основаниям. Во-вторых, как по предмету, так и по процедурам проверки надзорное производство не служит альтернативой кассационному производству, уже всесторонне реализованному (по тому же предмету и тем же вопросам) в Судебной коллегии Верховного Суда РФ (п. 98). В-третьих, надзорная жалоба подлежит изучению только в том случае, если данное дело было рассмотрено по существу в Судебной коллегии Верховного Суда РФ (п. 99). В-четвертых, инициация надзорного производства решением Председателя Верховного Суда РФ находится в прямой зависимости от его дискреционного усмотрения, а это остается за пределами нормальной структуры внутригосударственных средств правовой защиты (п. 102). С учетом изложенного надзорная жалоба и надзорный порядок не являются

средством эффективной правовой защиты, подлежащим исчерпанию для целей ст. 35 Конвенции.

Резюмируем суть указанных констатаций. Во-первых, предметом внимания ЕСПЧ, в принципе, не являются процедуры кассационной проверки в президиуме суда субъекта Российской Федерации (территориальные кассационные суды – по терминологии ЕСПЧ). Ни этой инстанции, ни анализа возможных проблем ее процессуальной формы как бы не существует для ЕСПЧ. В решении № 38951/13, без обсуждения и апелляций, как данность, презюмирован вывод о том, что исчерпание этой формы судебной защиты есть императив для заявителей в ЕСПЧ. Между тем напомним, что предметом проверки в этой инстанции также является акт суда, характеризующийся как *res judicata*. И исключительно в российской «традиции» он подлежит проверке еще в одной кассационной инстанции.

Во-вторых, при этой системе предложенных выводов однозначен и факт, что, если по итогам изучения жалобы в Верховном Суде РФ последняя будет поставлена на разрешение непосредственно суда кассационной инстанции (Судебной коллегии Верховного Суда РФ), этот процессуальный порядок так же *a priori* подлежит исчерпанию для целей ст. 35 Конвенции. Стороны ведь не апеллировали к чрезвычайным полномочиям Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей), следовательно, им предоставлены доступные и эффективные национальные средства судебной защиты.

В-третьих, ЕСПЧ удовлетворен как доводами государства-ответчика, так и непосредственно итогами реформ, посредством которых российская кассация стала столь эффективной, что в принципе утратила характер экстраординарной формы проверки. ЕСПЧ с одобрением воспринимает порядок, при котором окончательные акты суда проверяются только в двух кассационных инстанциях, а не в трех надзорных, как ранее. Между тем доктриной российского права давно обоснованы тезисы, согласно которым вектор указанных реформ, по сути, «свелся» к смене вывесок в российской судебной системе. Две дореформенные надзорные инстанции легко «переименовали» в кассационные; «вменили» им надзорно-кассационную форму проверки; оставили сугубо надзорные полномочия (etc.). Как результат, объявили, что это доступная и эффективная форма защиты, основанная на европейских стандартах. ЕСПЧ не только согласился с последним, но и явно «усмотрел» в ней аналоги европейской системы (п. 76).

На деле же, как резюмирует большинство представителей российской доктрины, между кассационной (гл. 47.1 УПК) и надзорной формой (гл. 48.1 УПК) проверки нет принципиальных различий [38; 26, с. 10–11]. Как следствие, в отличие от ЕСПЧ, мы не видим в указанном тождестве одновременно и эффективную (европейскую, по сути) кассацию, и экстраординарный (недоступный) порядок надзорной проверки окончательных актов суда. Мы видим

⁷ Речь идет о правосудии в суде первой, апелляционной, нижестоящей и вышестоящей кассационной инстанциях.

принципиально иное, а именно: если практика (вполне ожидаемо) воспримет систему итоговых выводов ЕСПЧ, изложенных в решении № 38951/13, доступ в ЕСПЧ будет, по сути, закрыт до «исчерпания» заявителями не только двух кассационных инстанций, но и всецело аналогичного им надзорного производства⁸.

Указанный порядок, возможно, и поспособствует «...укреплению диалога между судебной системой Российской Федерации и органами Конвенции», од-

нако вряд ли будет оценен в качестве реальной гарантии *res judicata*, на фундаментальной ценности которого так акцентировали внимание ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ и отчасти доктрина. По сути сугубо публичных тенденций российской правоприменительной практики последний оказался явно низложен непреходящей ценностью российской законности, которая теперь искусно вуалируется идеей обеспечения конституционного принципа судебной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потапов В.Д. О коллизиях в предмете кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда // Российский следователь. 2012. № 18. С. 20–24.
2. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ: первый опыт критического осмысления / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юристъ, 2011. 188 с.
3. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 41–45.
4. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. Ч. I / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. М., 2015. С. 419–420 (автор гл. 2 разд. 2 – Л.В. Головкин).
5. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
6. Давыдов В.А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 47–51.
7. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119.
8. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Российская газета. 2005. 20 мая.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 662-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 6. С. 104–106.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета. 2012. 21 декабря.
12. Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 14–15.
13. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 764, 781 (автор гл. 10 – В.А. Давыдов).
14. Решение ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasy Semenovitch Bratyakin) против Российской Федерации» // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 76.
15. Постановление ЕСПЧ от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00) «Фадин против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 11. С. 5–12.
16. Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 10. С. 119–132.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.
20. Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.
21. Российская газета. 2005. 20 мая.
22. Российская газета. 2007. 2 июня.

⁸ При условии, конечно, что судья Верховного Суда РФ «не исчерпает» в порядке п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ столь широкие возможности доступной судебной защиты несколько ранее и заявители, наконец, получают легитимный доступ к субсидиарному средству защиты их нарушенных прав – в лице Европейского суда по правам человека.

23. В контексте итоговых выводов Постановления КС РФ № 16-П от 2 июля 2013 г. эти векторы обозначены еще более прямо. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».
24. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // *Собрание законодательства РФ*. 2010. № 14. Ст. 1734.
25. *Краткая философская энциклопедия*. М., 1994. С. 23.
26. Подробнее см.: *Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография / общ. ред. и предисл. В.А. Давыдов. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. С. 119–154.
27. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // *Консультант Плюс* [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
28. *Дикарев И.* Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке // *Российская юстиция*. 2014. № 3. С. 35–38.
29. *Ковтун Н.Н.* Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // *Уголовное судопроизводство*. 2014. № 2. С. 26–30.
30. *Федеральный закон* от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» // *Российская газета*. 2015. 12 января. № 6572.
31. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 37–40.
32. См.: *Архив* Верховного Суда РФ за 2014 г. Материал № 33-УК14-99; *Архив* Верховного Суда РФ за 2015 г. Материал № 44-ун15-332.
33. *Определение* Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1460-О-О. // *Консультант Плюс* [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
34. *Решение* ЕСПЧ от 12 мая 2015 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 38951/13 «Роберт Михайлович Абрамян (Robert Mikhaylovich Abramyan) против Российской Федерации», жалобы № 59611/13 «Сергей Владимирович Якубовский (Sergey Vladimirovich Ykubovskiy) и Алексей Владимирович Якубовский (Aleksey Vladimirovich Ykubovskiy) против Российской Федерации» // *Консультант Плюс* [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
35. *Решение* ЕСПЧ по делу: «Мартынец против Российской Федерации» (Martynets v. Russia), жалоба № 29612/09, ECHR 2009. // *Консультант Плюс* [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
36. *Решение* ЕСПЧ по делу: «Тумилович против Российской Федерации» (Tumilovich v. Russia) от 22 июня 1999 г., жалоба № 47033/99. // *Консультант Плюс* [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
37. *Решение* ЕСПЧ по делу: «Денисов против Российской Федерации» (Denisov v. Russia) от 6 мая 2004 г., жалоба № 33408/03. // *Консультант Плюс* [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
38. *Потапов В.Д.* Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 483 с.

SUPERVISORY AND CASSATIONAL FORM OF JUDGMENT REVIEW IN THE RUSSIAN “TRADITION”, THE ECHR ACTS AND ACTS OF CONSTITUTIONAL JUSTICE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 1(7), 45–55. DOI 10.17223/23088451/7/8

Kovtun Nikolay N., Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kovtunnov@mail.ru

Keywords: appeal proceedings, res judicata, “questions of law” and “questions of fact”, subject of review and court assessment.

The article analyses the compliance of the new Russian cassational procedure with the fundamental principle of *res judicata*, its consequences and, in general, publicly stated goals of reform implemented through the adoption and implementation of Federal Law № 433-FZ of December 29, 2010. As the majority of representatives of the Russian doctrine sum up, there are no fundamental differences between cassational (Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code) and supervisory (Chapter 48.1 of the Criminal Procedure Code) forms of review. As a consequence, unlike the ECHR, there is neither efficient (European, in fact) cassation nor extraordinary (unavailable) procedure for the supervisory review of the final court acts. If the practice (as expected) employs the system of the ECHR final conclusions from Resolution №38951/13, the access to the ECHR will be restricted until the applicant has appealed to two courts of appeals and their entirely similar supervisory proceedings.

This procedure may contribute to “the strengthening of the dialogue between the Russian judicial authorities and the Convention system”; however, it is unlikely to be appreciated as a real guarantee of *res judicata* the fundamental values of which were in the focus of the ECHR, the Constitutional Court of the Russian Federation and, to some extent, the doctrine. In fact, in terms of purely public trends in the Russian law enforcement practice, it was clearly deposed by the enduring value of the Russian law, which is now cleverly veiled by the idea of ensuring the constitutional principle of judicial protection.

REFERENCES

1. Potapov, V.D. (2012) Collisions in the object of a cassational or supervisory review of final judicial acts. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 18. pp. 20-24. (In Russian).
2. Kolokolov, N.A. (ed.) (2011) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF: pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, surveillance: Novellas of the Code of Civil Procedure and Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: The first experience of critical thinking]. Moscow: Yurist".
3. Kovtun, N.N. (2011) Apellyatsionnoe, kassatsionnoe i nadzornoe proizvodstvo v ugovnom protsesse: iz'yany zakonodatel'nykh novell [Appeal, cassational and supervisory proceedings in the criminal process: Shortcomings of legislative novellas]. *Ugolovnyy protsess*. 3. pp. 41-45.
4. Kolokolov, N.A. (ed.) (2015) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF: Pervye rezul'taty primeneniya* [Appeal, cassation, surveillance: Novellas of the Code of Civil Procedure and Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: The first results]. Moscow: Yurist".
5. Russian Federation. (n.d.) *Explanatory notes "To the draft of the Federal Law On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Annulment of Certain Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=99818>. (In Russian).
6. Davydov, V.A. (2012) Peresmotr sudebnykh resheniy po ugovnym delam: o nekotorykh zakonodatel'nykh novellakh nakanune ikh primeneniya [Review of judicial decisions on criminal cases: On some legislative novellas before their application]. *Ugolovnyy protsess*. 11. pp. 47-51.
7. ECHR. (2004) Ryabikh v. Russia Judgment of July 24, 2003 (Claim № 52854/99). *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 110-119. (In Russian).
8. ECHR. (2004) Nikitin v. Russia Judgment of July 20, 2004 (Claim № 50178/99). [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=472>. (In Russian).
9. Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 maya 2005 g. №5-P [Resolution of the Constitutional Court on May 11, 2005 №5-P]. *Rossiyskaya gazeta*. 20th May.
10. Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 3 aprelya 2012 g. № 662-O-R [Resolution of the Constitutional Court of April 3, 2012 № 662-O-P]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6. pp. 104-106.
11. Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Resolution № 31 of the Plenum of the Supreme Court on December 11, 2012 "On the application of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation by the courts when considering applications for review of submissions to newly discovered or new circumstances of court decisions coming into force". *Rossiyskaya gazeta*. 21st December. (In Russian).
12. Kuvaldina, Yu.V. (2011) Obzhalovanie prigovorov, postanovlennykh v osobom poryadke: nastoyashchee i budushchee [Appealing verdicts under special procedure: Present and Future]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 3. pp. 14-15.
13. Lebedev, V.M. (ed.) (2013) *Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The practice of the Russian Federation Code of Criminal Procedure]. Moscow: Yurayt.
14. ECHR. (2006a) ECHR Judgment of March 9, 2006, On the admissibility of Complaint № 72776/01 Afanasy Semenovich Bratyakin v. Russia. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. p. 76. (In Russian).
15. ECHR. (2006b) Fadin v. Russia Judgment of July 27, 2006 (Complaint № 58079/00). *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 11. pp. 5-12. (In Russian).
16. ECHR. (2007) Radchikov v. Russia Judgment of May 24, 2007. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 10. pp. 119-132. (In Russian).
17. Constitutional Court of the Russian Federation. (2002) Resolution № 13-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 3160. (In Russian).
18. Constitutional Court of the Russian Federation. (1997) Resolution № 87-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 1997. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=6074>. (In Russian).
19. Constitutional Court of the Russian Federation. (2007) Resolution № 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 5, 2007. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 7. Art. 932. (In Russian).
20. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. (1996) 7. Art. 701.
21. *Rossiyskaya gazeta*. (2005) 20th May.
22. *Rossiyskaya gazeta*. (2007) 2nd June.
23. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) Resolution № 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013 On the constitutionality of the provisions of Part 1 Art. 237 Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and request from the Kurgan Regional Court. (In Russian).
24. Constitutional Court of the Russian Federation. (2010) Resolution № 7-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2010. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 1734.
25. Gubskiy, E.F., Korableva, G.V. & Lutchenko, V.A. (eds) (1994) *Kratkaya filosofskaya entsiklopediya* [The Brief Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Progress.
26. Dikarev, I.S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh resheniy v ugovnom protsesse* [Supervisory and cassational review of judicial decisions in criminal proceedings]. Volgograd: Volgograd State University.
27. Supreme Court of the Russian Federation. (2014) Resolution № 2 of the Plenum of the Supreme Court on January 28, 2014 "On the application of the rules of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the

- proceedings in the court of cassation*". [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176029>. (In Russian).
28. Dikarev, I. (2014) On the grounds of review of sentences, rulings and resolutions of the court of cassation and supervisory procedure. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 35-38. (In Russian).
29. Kovtun, N.N. (2014) Cassational proceeding: to what extent the lapidary explanations of the plenum are justified. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 26-30. (In Russian).
30. Russian Federation. (2015) Federal Law № 518-FZ of December 31, 2014, "On Amendments to Articles 401.2 and 412.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Annulment of Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 12th January.
31. Lupinskaya, P.A. (2010) *Resheniya v уголовном sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in the criminal trial: Theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow: Norma: Infra-M.
32. *The Archives of the Supreme Court of the Russian Federation*. (2014) Material № 33-UKS14-99.
33. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Resolution № 1460-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 4, 2011*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=236296>. (In Russian).
34. ECHR. (2015) *ECHR Resolution of May 12, 2015, On admissibility of Application №38951/13 Robert M. Abrahamyan v. Russia, Sergey Jakubowski and Alexey Jakubowski v. Russia (Complaint №59611/13)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=446476>. (In Russian).
35. ECHR. (2009) *Martynets v. Russia (Complaint № 29612/09, ECHR 2009)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=149398&fld=134&rnd=214990.604562211596513&>. (In Russian).
36. ECHR. (1999) *Tumilovich v. Russia Judgment of June 22, 1999 (Complaint № 47033/99)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=9724>. (In Russian).
37. ECHR. (2004) *Denisov v. Russia Judgment of May 6, 2004 (Complaint № 33408/03)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=40281>. (In Russian).
38. Potapov, V.D. (2013) *Osnovnye nachala proverki sudebnykh resheniy v kontrol'no-proverochnykh stadiyakh i proizvodstvakh ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii* [The basic principles of the judgments review in control and review stages of criminal proceedings in Russia]. Law Dr. Diss. Moscow.